

А.Л. Чибиров

Южная Осетия как фактор геополитики на Кавказе

А.Л. Чибиров*

Первопричины конфликта в Южной Осетии вновь заинтересовали мировую общественность в августе 2008 года, после авантюрной попытки грузинского руководства военным путем решить проблемы пресловутой «территориальной целостности». Серьезный внутриполитический кризис, который обрушился на Саакашвили в октябре 2007 г., вкупе с неурегулированным грузино-осетинским конфликтом начала 90-х годов оказались нерешаемой проблемой для политической элиты Грузии. В случае положительного исхода задуманной августовской авантюры режим Саакашвили разом решал существующие противоречия и внутри страны – ведь победителей не судят. Однако ситуация получила развитие по совершенно иному сценарию.

События, произошедшие в ночь на 8 августа 2008 года, не дают и еще долго не будут давать забыть о себе и своих последствиях. Быть может, многие представители современной «большой» политики и были бы не прочь забыть о войнах и народах, борющихся за свободу, но самим народам и странам, через судьбы которых пролегли войны, о них забывать нельзя, потому как история – это память и знания о прошлом, без которых не может быть ни настоящего, ни будущего. Истоки противостояния между Южной Осетией и Грузией уходят корнями в глубину веков. Причины же сегодняшнего конфликта в Южной Осетии, переросшего в полноценную войну, нужно рассматривать в контексте глобальных и региональных военно-политических процессов. Завершение биполярного противостояния, закончившееся демонтажем одной из двух мировых систем, и связанные с этим грандиозные геополитические катаклизмы, не могли не отразиться на судьбах стран и народов, оказавшихся на изломе политической жизни. Исторически сложилось так, что Кавказ, частью которого является Южная Осетия, и Балканы определяются в современной политике как две «пороховые бочки», способные подорвать стабильность

не только Европы, но и всего мира. Еще задолго до появления самих терминов «геополитика» и «глобализация» Осетия стала местом столкновения и ареной отстаивания геополитических интересов современных сверхдержав. К исходу же прошлого столетия в результате развала Советского государства и социалистической системы в мировой политике сложились совершенно новые реалии, вследствие чего противостояние сверхдержав приобрело иной, более системный и многовекторный характер. На смену биполярному миру эпохи «холодной войны» приходит мир многополярный, с множеством самостоятельных геополитических игроков, вступивших в ожесточенную борьбу за новый передел мира. В особом, доминирующем положении в этой «игре» оказались США, которые после развала СССР и изменения политического и экономического пространства объявили себя «надеждой всего человечества» [1]. Отныне это новое «глобальное обстоятельство» является неизменным спутником всех более или менее значимых событий и явлений в судьбах стран и народов, оказавшихся в качестве «геополитических пленников». Возможное же преобладание одного внешнего фактора над другим обуславливается геополитическими интересами и возможностями их отстаивания и осуществления задействованных в регионе различных держав, которых в современном мире принято определять термином «великие».

Именно взаимосвязанность и взаимозависимость многополярного мира диктовала и диктует внутренние и внешние условия «игры», из совокупности которых складывается российский фактор, являющийся определяющим в грузино-осетинском противостоянии, новым этапом которой стала война августа 2008 года. Однако при рассмотрении данной проблемы необходимо иметь в виду и то, что наличие российского, равно как и любого другого, внешнего фактора в грузино-осетинском противостоянии было обусловлено, в первую очередь, непримиримостью про-

*А.Л. Чибиров – соискатель кафедры политологии СОГУ им. К.Л. Хетагурова.

тивоборствующих сторон в конфликте Южной Осетии и Грузии. После начала грузино-осетинского противостояния и Грузии, и Южная Осетия, осуждая политику России и обвиняя ее в поддержке противной стороны, в то же время обращались за помощью именно к ней. Пример: 5 января 1991 года полк ВВ МВД СССР под командованием генерала Г. Малюшкина, дислоцированный в Цхинвале, тайно покинул свои позиции, расположенные по периметру города, фактически позволив звиадистам захватить и оккупировать столицу республики. Позже в интервью газете «День» генерал заявил, что лишь выполнял приказ министра ВД СССР Б. Пуго «пропустить грузинскую милицию в Цхинвали и Джавский район, никаких препятствий им не чинить, службу выполнять лишь в режиме охраны военных городков» [2]. Приказ, по его словам, был согласован с Горбачевым, что в контексте с озвученным через несколько дней указом Президента СССР, уже о выводе грузинской милиции, только подтверждает неспособность Кремля адекватно оценивать и контролировать сложившуюся в регионе ситуацию. Весьма интересна в связи с этим и цитата из интервью члена Совета Безопасности России Вадима Бакатина. Цитирую: «...недавно получаю информацию: грузины приняли решение выселить осетин из Тбилиси и еще ряда районов. Я не верю этому ни минуты, тут же перепроверяю, вижу, что ничего такого нет, но все-таки прошу Пуго – именно прошу: Борис Карлович, вот есть такая информация, вы ее подтверждаете или нет? Он мне звонит: нет, Вадим Викторович, не подтверждаю. Значит, информация была для разжигания этой самой грузино-осетинской ненависти. Мы должны работать вот на таких доверительных отношениях» [3].

И все же в силу многих факторов Россия являлась главнейшим игроком, автором всех значимых политических мер, направленных на прекращение войны, недопущение эскалации конфликта и снятие дальнейшей напряженности в регионе. Россия брала на себя всю инициативу, пытаясь сохранить за собой право и приоритет в урегулировании конфликта. Не представлялось возможным невмешательство в ситуацию, пускание ее на самотек, так как возникала серьезная угроза подключения к решению этого вопроса третьих стран (США, ЕС), что вело к потере политического веса и влияния России в этом регионе. Российская сторона неизменно выступала гарантом соблюдения всех договоренностей, достигавшихся воюющими сторонами. Именно поэтому все крупные соглашения, призванные прекратить войну, были подписаны на территории РФ при ее непосредственном участии. В свое время Россия также приветствовала свержение Гамсахурдиа и приход к власти в Грузии Шеварднадзе. При этом

Россия делала ставку на традиционную лояльность Шеварднадзе к Москве, так как определенные круги советской номенклатуры все еще имели существенные рычаги давления на тогдашнее российское руководство. Россия поддержала Шеварднадзе и во время мятежа в Западной Грузии, когда мятежники под руководством Лоти Кобалия быстрыми темпами продвигались к столице Грузии Тбилиси, не встречая какого-либо организованного сопротивления правительственных войск. И только своевременная военная помощь из Москвы, заключающаяся в том числе и в энном количестве танков, помогла властной политэлите Грузии того периода предотвратить надвигающуюся катастрофу. Однако сам Шеварднадзе, удержавшийся на грузинском престоле в том числе и благодаря поддержке из Москвы, не торопился расплачиваться с ней. «Феномен Шеварднадзе», ставший популярным среди политических элит мира, в том числе и как олицетворение противостояния с Россией, способствовал принятию Грузии во главе с нелегитимным Госсоветом в СБСЕ и ООН, что, в свою очередь, позволило ей отказаться от вступления в СНГ, являвшееся фарватером российской геополитики. Безусловно, подобный шаг шел вразрез с интересами России. В свою очередь Москва не могла позволить себе оставаться безучастным наблюдателем и, хотя и обладала достаточными рычагами для воздействия на принятие решений, мягко говоря, не очень противилась блокаде и обстрелам Южной Осетии Грузией. Более того, в какой-то мере даже способствовала этому. Вялые, нерешительные действия России против продолжавшейся бойни в Южной Осетии наглядно свидетельствовали о наличии у определенной части российской политэлиты того времени некоторых иллюзий в отношении политики Шеварднадзе. Однако позже выяснилось, что после нападения отчаявшихся «южан» на армейские оружейные склады в Северной Осетии возникла реальная угроза перекидывания войны в Южной Осетии на территорию Российской Федерации, что даже для вовлеченного в ойну с Абхазией Э. Шеварднадзе Москва не является единственным ориентиром, а северокавказские народы в лице Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК) своим стремлением поддерживать югоосетинских и абхазских братьев способны вовлечь в глобальную катастрофу и саму Россию. В обращении чрезвычайного съезда КГНК к правительству и парламенту РФ вместе с предложением признать независимость Республики Южная Осетия особо было отмечено: «Одновременно мы считаем нужным предупредить, что в случае новой попытки разговора Республики Грузия с Южной Осетией с позиции силы Конфедерация горских народов Кавказа предпримет

адекватные меры» [4]. Кремль постепенно начинает отходить от своей первоначальной позиции безоговорочной и безальтернативной поддержки грузинской политики. Необходимо отметить, что российская политическая элита начала 90-х не представляла собой единую структуру с целостными взглядами на события в Южной Осетии. Для того чтобы не раздражать грузинскую сторону, долгое время высшее руководство в Южной Осетии, и Абхазии не хотели принимать в Кремле выше уровня заместителя Председателя Правительства, курирующего вопросы по связям с СНГ. Даже МИД РФ до 2001 г. не озвучивал официального названия республики, а произносил его только как географическое понятие – Южная Осетия. Поэтому и сложилась такая парадоксальная ситуация, когда представители политических элит различных ветвей власти России по-разному относились к существующему положению вещей. Одни выступали в «поддержку территориальной целостности» Грузии, другие – в поддержку интересов Южной Осетии. Подобное поведение также может объясняться и некоей, не известной широкой общественности скоординированностью действий разных ветвей российской власти, несмотря на наличие существенных разногласий между ними, обусловленных внутренней борьбой за власть. Из совокупности действий России во время грузино-осетинского конфликта вытекало, по всей вероятности, ее стремление к достижению состояния наибольшего ослабления сторон с тем, чтобы впоследствии иметь возможность диктовать свои условия.

Немаловажным фактором для определения истинного лица грузинской политической элиты оказались и плачевные для нее результаты войны 1992–1993 годов в соседней Абхазии. Уже в конце этой бесславной войны Грузия была вынуждена изменить свою позицию по отношению к СНГ, куда она очень долгое время не хотела вступать. Так, например, 20 сентября 1993 г. спикер парламента В. Гагуадзе заявил, что вступление в СНГ является единственным шансом для спасения Грузии. А 27 сентября уже сами депутаты грузинского парламента потребовали провести экстренное заседание и обсудить вопрос о вступлении в СНГ [5]. Тогда же проявилась вся двойственность и непоследовательность тогдашней российской политики в Закавказье. С 20 сентября Россия объявила о введении «экономических санкций» против Абхазии», а 21 сентября была закрыта российско-абхазская граница [6]. Э. Шеварднадзе, который во время боевых действий оказался заблокирован в абхазской столице, в конце сентября был вывезен из Сухума российскими десантниками «под видом тяжело раненного русского полковника в расположение сухумского военного санатория, позже переправ-

лен на российскую военную базу в Батуми, а затем в Тбилиси» [7]. И вновь Россия приняла участие в судьбе главы Грузии «в связи с неоднократными личными просьбами лидеров западных государств» [7, с. 79], несмотря на то, что к тому времени сама находилась на пороге гражданской войны (острый политический кризис в Москве 21 сентября–4 октября 1993 г.). Однако уже 30 сентября, в день, когда Абхазия завершила победой навязанную ей войну и так же, как Республика Южная Осетия, приступила к строительству независимого Абхазского государства, Э. Шеварднадзе обвинил Россию в предательстве интересов грузинского народа [8]. После поражения в Абхазии в сентябре 1993 г. Грузия вынуждена была вернуться в фарватер российской политики. Ее прозападная ориентация приняла более скрытую, латентную форму. Даже в таком положении Грузия не переставала искать поддержку вне России. Уже 8 октября 1993 года Э. Шеварднадзе заявил о готовности Грузии вступить в СНГ, а 9 октября 1993 г. было подписано соглашение, предусматривающее нахождение российских войск в Грузии до 1995 г. Тогда же, 18 октября, Э. Шеварднадзе обратился к России, Армении и Азербайджану с призывом оказать военную помощь Грузии, а на следующий день 117 депутатов Парламента Грузии заявили о поддержке вступления страны в СНГ. Позже, комментируя решение своего Парламента, Э. Шеварднадзе заявил: «Мы пригласили в Грузию войска ООН по поддержанию мира, но к нам прибыли лишь наблюдатели» [9].

Война в Южной Осетии 1989–1992 годов оставила после себя истерзанную землю, руины, травмированные судьбы людей. В итоге этой бойни, продолжавшейся три года, погибло 800 человек, ранено 1700, пропало без вести 100. Сожжено 117 населенных пунктов, десятки тысяч осетин из внутренних районов страны стали беженцами. По своему характеру вторая трагедия в сравнении с 1920 годом была более масштабной; в конфликте было задействовано столичное население Восточной Грузии, а также миллионное население города Тбилиси. Кроме того, если при первом геноциде большевики Грузии все же осуждали действия меньшевиков, то в событиях периода 1989–92 годов коммунисты, по сути, были заодно с Гамсахурдиа или, по крайней мере, не смели открыто противостоять националистической вакханалии. В результате определенных усилий Российской Федерации в 1995 г. начался переговорный процесс по урегулированию конфликта. Уже в следующем году в Кремле при участии Президентов России, Южной Осетии, Северной Осетии и Грузии был подписан меморандум о мерах безопасности и мирном урегулировании конфликта. Од-

нако представители грузинской политической элиты, взявшей курс на создание унитарного государства, ни разу за все время со дня подписания меморандума не представили приемлемый проект решения вопроса и фактически сводили результативность переговорного процесса к нулю. Неконструктивное участие Грузии в работе Смешанной Контрольной Комиссии и в переговорном процессе особенно ярко проявилось с началом нового тысячелетия, с приходом к власти Саакашвили. Грузинская сторона неоднократно пыталась разрушить формат СКК, пытаясь изменить состав участников. От четырехстороннего формата (Россия, Северная Осетия, Южная Осетия, Грузия) Грузия сначала требовала перейти к двухстороннему (Южная Осетия, Грузия), а затем предпринимала попытки включить в переговорный процесс новые стороны (ЕС, ОБСЕ и США). Фактически сделавшая существующий механизм взаимодействия через СКК безрезультатным, а также преодолеваемая стремлением побыстрее вступить в НАТО, Грузия с помощью США и других стран в кратчайший период создала хорошо обученную и технически оснащенную армию. Подстрекаемый своими кураторами из США (связка Саакашвили – вице-президент США Дик Чейни и неоконсерваторы продолжительное время плодотворно сотрудничали в регионе)[10], грузинский лидер в нарушение норм международного права и человеческой морали в ночь на восьмое августа 2008 г. пошел на чудовищное преступление: ракетно-бомбовый удар по мирному городу. В день открытия Олимпийских игр в Китае, когда внимание всего человечества было приковано к Пекину, грузинская армия вероломно напала на спящий Цхинвал и подвергла его массированному обстрелу из ракетных и танковых орудий, после чего предприняла несколько попыток захвата города. Горе от человеческих потерь, исчисляемых сотнями, изуверская расправа над народом оживили в памяти события 1989–92 гг. Только теперь жертвы, сопоставимые с теми, были принесены за 4 дня. Августовский геноцид отличается еще большей жесткостью, целенаправленностью и изощренностью. В октябре 2009 года Комиссия Евросоюза под руководством шведского дипломата Хайди Тальявини опубликовала отчет о грузино-осетинском конфликте, в котором вынесла свой вердикт случившемуся 8 августа 2008 г. – войну развязала Грузия. Ниже приводятся краткие тезисы этого доклада:

- военные действия в ночь на 8 августа 2008 года первой начала Грузия;
- артобстрел со стороны Грузии стал кульминацией в развитии напряженных отношений и провокаций;

- применение Грузией военной силы в Южной Осетии недопустимо с точки зрения международного права;

- применение систем «Град» со стороны России было неадекватно и непропорционально угрозе;

- выдача российских паспортов жителям Южной Осетии, которая практиковалась до войны, была незаконной;

- обвинения в геноциде осетин, выдвинутые Россией против Грузии, не основаны на международном праве и не были доказаны;

- признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии противоречит нормам международного права.

Таким образом, европейская «комиссия правды» сделала достаточно упреков и в сторону России и в сторону Грузии, но все же подготовила довольно сдержанный и объективный доклад. Как ни странно, внести ясность европейцам в этот вопрос не удалось. И Москва, и Тбилиси заявили, что отчет Еврокомиссии только укрепил их в своей правоте. По словам Владимира Чижова, постоянного представителя РФ при ЕС, доклад четко отвечает на вопрос – кто начал войну. «В документе говорится, что это Грузия начала массированный артобстрел Цхинвала в ночь с 7 на 8 августа 2008 года. Остается спорной проблемой, что считать адекватным ответом, а что – нет. Наше мнение, которое является также и моим собственным, состоит в том, что российская реакция была действительно пропорциональна и своевременна», – пояснил он. Саакашвили же удивился не последовательности экспертов, которые возложили ответственность за начало войны на Грузию, но не посчитали, что это была реакция на российскую агрессию. По мнению Саакашвили, Европа уличила Россию во лжи. «Москва утверждала, что Грузия напала на ее миротворцев. Европа с этим не согласилась, заявив, что никаких подтверждающих фактов нет. Это ложь № 1. Ложь № 2: Россия утверждала, что она защищала своих граждан. Еврокомиссия сказала, что никаких россиян там не было, а находились лишь граждане Грузии. И ложь № 3: якобы грузины осуществили геноцид осетин. Я с полной ответственностью могу утверждать, что все это ложь» [11].

Как известно, война есть продолжение средствами насилия той политики, которая велась сторонами до ее начала. В сегодняшних взаимоотношениях Южной Осетии и Грузии сохраняется стратегия конфронтационного мышления, что не позволяет говорить о близкой перспективе урегулирования вооруженного противостояния. Встречи сторон происходят только на уровне встреч экспертных групп, пытающихся найти подходящую платформу для развития диалога. Однако Тбилиси все равно противится заключению

мирного договора с Южной Осетией, или хотя бы соглашения о неприменении силы, с тем, чтобы в конечном итоге любыми способами, не исключая и военных, заставить ее войти в состав Грузии. Свидетельством подобных устремлений является и то, что, согласно Конституции Грузии 1995 г., Южная Осетия является территориальной единицей Грузии с неопределенным статусом, который будет определен после «полного восстановления юрисдикции Грузии на всей территории страны» [12]. При этом не учитывается то, что Конституция принималась, когда Южная Осетия де-факто уже не находилась в составе Грузии и подавляющее большинство граждан Южной Осетии ни непосредственно, ни через своих представителей не принимало никакого участия в разработке и принятии Конституции Грузии. В создавшихся условиях вернуть Южную Осетию под юрисдикцию Грузии можно только военным путем, и официальный Тбилиси, наряду с демагогической риторикой о стремлении к мирному урегулированию противоречий, особо и не старается скрывать свои реваншистские настроения. Последние несколько лет параллельно с периодически прерывающимися переговорами Грузия продолжала террористическую войну против Южной Осетии. Жертвами такой политики грузинских властей становились мирные жители, сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие министерства обороны, а также российские миротворцы. Сегодня гарантом возобновления крупномасштабных боевых действий являются ограниченный контингент ВС РФ и пограничные войска Российской Федерации, осуществляющие свои функции по периметру границ Южной Осетии.

Немаловажным вопросом также является то, что до сих пор в Грузии на государственном уровне не осужден звиадизм как политическое явление, принесшее горе и разрушения не только проживающим в ГССР национальным меньшинствам, но и самому грузинскому народу. Более того, человек, открывший «ящик Пандоры» и выпустивший из него все возможные беды и несчастья на свою страну, с почетом перезахоронен в пантеоне великих людей Грузии на святой для грузин горе Мтацминда. Сложно представить себе, чтобы кому-то в современной Германии пришло в голову похоронить рядом с Гете осколок черепа фюрера, хранящийся в одном из подразделений ФСБ РФ.

Политические процессы вокруг Южной Осетии необходимо рассматривать не только в контексте изменений русско-грузинских отношений и политики Запада, но и всего международного сообщества по отношению к территориям, которые до этого считались сферой влияния России. Сегодня в вину Южной Осетии ставится «само-

провозглашение», определяющееся в лексиконе больших держав как «государство, провозгласившее себя независимым», но не признаваемое таковым в кругу «избранных». Но ведь все государства когда-то сами себя провозглашали таковыми, и объявлять «самопровозглашение» причиной для отказа народу в реализации его права на самоопределение означает отвергать историю происхождения государств и государственного строительства. Непризнание же провозглашенной и отстаиваемой воли народа является нарушением самого международного права, под прикрытием которого зачастую отказывают тому или иному народу в праве на самоопределение. Международное сообщество считало возможным признать и признало независимость Косово. При этом оно и слушать не желает об обсуждении подобного вопроса по отношению к Южной Осетии, у которой намного больше оснований и прав на самоопределение и независимость. Действительно, если признается независимость Косово, сербской территории, населенной албанцами, то по какому такому «справедливому» международному праву Южной Осетии, населенной осетинами, отказывается в праве на самоопределение? Если признавать за Косово право на самоопределение, то встает вопрос о применимости этого прецедента в отношении Южной Осетии. При этом международное сообщество, в особенности США и их союзники, признавая право на независимость Косово, считают вполне обоснованной свою позицию, согласно которой случай с Косово объявляется уникальным и не может служить прецедентом для других непризнанных государств. Россия в этом вопросе отстаивала универсальный характер права народов на самоопределение, утверждая, что признание Косово автоматически должно привести к признанию всех непризнанных государств, в частности Южной Осетии. Но при этом нельзя забывать о том, что Москва выступала против признания Косово, так же, как, несмотря на достаточно аргументированные и весомые правовые обоснования независимости Южной Осетии, не собиралась признавать последнюю субъектом Международного права (Путин: Грузия и Южная Осетия должны строить общее государство) [10]. Кроме всего прочего, нужно иметь в виду и то, что все споры об уникальности или универсальности ситуации с Косово носят конъюнктурный характер, так как до Косово в мире не имел место ни один прецедент сецессии части государства и последующего ее признания самостоятельным субъектом Международного права. Хотя, с учетом складывающейся вокруг Южной Осетии и Абхазии ситуации, нельзя исключать и того, что вопрос признания Косово может сослужить «медвежьей услугой» странам, нарушившим «территориальную целост-

ность» Сербии. («Цена косовского прецедента» – с таким подзаголовком публиковались в белградской «Политике» статьи о войне в Южной Осетии и Абхазии). Южная Осетия же добивалась и добилась свободы независимо от косовского или любого другого прецедента и будет добиваться признания своего права на независимость, не взирая на навязываемые геополитической конъюнктурой прецеденты, поскольку такова выраженная воля ее народа, что является основополагающим условием признания права народов на самоопределение. При этом необходимо учесть, что с правовой точки зрения Южная Осетия, начиная с референдума о сохранении и реформировании СССР от 17 марта 1991 г., ни разу не выходила за рамки правового поля, сформированного Конституцией СССР. Явка на референдум в Южной Осетии составила тогда 96,3 %, за сохранение Союза проголосовало 99,86 %. В остальной части ГССР референдум бойкотировали. В данном контексте Конституция СССР, в правовом поле которого находились и Грузия и Южная Осетия, именно Грузию определяла как сепаратиста [13].

Все вопросы, связанные с Южной Осетией в нынешнем геополитическом аспекте, следует рассматривать только в контексте с Абхазией, поэтому не надо сбрасывать со счетов и очень важный для престижа Российской Федерации фактор будущих Олимпийских игр, которые должны состояться в Сочи в 2014 г., в непосредственной близости от границы с Абхазией. Столь масштабный спортивный проект может быть осуществлен только при стабильной военно-политической ситуации на Кавказе, в частности в Абхазии. А подобная стабильность, в свою очередь, возможна только при наличии в этом заинтересованности больших геополитических игроков, которые при определенных условиях получают недвусмысленную возможность политического и военного шантажа Российской Федерации. Однако это обстоятельство не снимает с повестки дня проблему Кодорского ущелья. И напротив, чем меньше времени остается до 2014 г., тем более актуальной становится необходимость решения этого крайне важного вопроса, без которого не представляется возможным обеспечение стабильности в Абхазии и гарантия безопасности проведения Олимпийских игр в Сочи. Много в будущих геополитических процессах будет также зависеть от складывающейся ситуации вокруг Ирана, региональной энергетической и транспортной системы, а также нового витка глобальной войны за ресурсы. Таким образом, в рассматриваемом регионе завязался очень тугий узел противоречий, и Южной Осетии, оказавшейся на подобном геополитическом изломе, оставалось только ждать наступления часа «Ч».

Ситуация также усугублялась реальной возможностью вступления Грузии в НАТО. Могло ли случиться так, что данное обстоятельство не повлияло бы на дальнейшую политику Москвы и не подтолкнуло бы ее к принятию более решительных, в том числе и военно-политических, шагов в регионе? Ведь Россия была серьезна как никогда, когда утверждала, что размещение третьего позиционного сектора системы американских ПРО в Чехии и Польше, а также заявление США о возможности размещения таковых и в Литве угрожает ее безопасности. Как бы в случае реализации этих планов решались вопросы безопасности России, если бы подобные объекты возникли и в Южной Осетии? Если бы Москва продолжала поддерживать тезис о пресловутой «территориальной целостности» Грузии, она однозначно получила бы подобный «сюрприз» в непосредственной близости от своего самого неспокойного региона – Северного Кавказа. Отказ США от планов по размещению ПРО в Польше и Чехии еще раз подтвердил правильность выбранной Москвой модели поведения. Еще до августовской 2008 г. войны Россия предупреждала, что признает Южную Осетию в ответ на признание Западом Косово. Но, по определенным причинам, она не пожелала воплощать свои угрозы в жизнь. В результате если «битву» за «территориальную целостность» Сербии Россия проиграла, то несложно представить, к чему же могла привести ее принципиальность в вопросе «незыблемости» границ Грузии в рамках ГССР, в случае вхождения последней в НАТО. Военно-политические шаги России по отношению к Цхинвалу, предпринятые Москвой в первой половине 2008 г., безусловно, были продиктованы осознанием складывавшейся ситуации и могли являться своеобразным ответом на вызовы национальным интересам самой России. Это и односторонний выход из режима санкций СНГ 1996 г. в отношении Абхазии (подобные вопросы невозможно рассматривать вне контекста взаимоотношений России, Южной Осетии и Абхазии), и поручение Президента России правительству о подготовке мероприятий, направленных на улучшение жизни граждан Южной Осетии и Абхазии, в том числе и предоставление им российского гражданства, а также ввод железнодорожных войск для восстановления абхазской железной дороги. (Кстати, в вышеназванном поручении В. Путина впервые отсутствовало упоминание о «территориальной целостности» Грузии, тезис о неизменной поддержке и необходимости соблюдения которой содержался ранее во всех заявлениях главы исполнительной власти России).

Вышеуказанные шаги совпали с мероприятиями по доукомплектованию миротворческих воинских формирований СНГ на территории Юж-

ной Осетии. Причем эти шаги вызвали протесты не только в Тбилиси, но и в других столицах мировых держав, прежде всего в Вашингтоне, что не могло не привести к некоторому нагнетанию во взаимоотношениях между ведущими игроками на Кавказе, что автоматически привело бы к обострению ситуации и в других «горячих» точках по всему миру. При тех реалиях, которые свойственны сегодняшней гиперглобализации, подобное чревато зарождением нового «великого» противостояния, но уже в условиях многополярного мира. При этом нельзя сбрасывать со счетов и способность серьезных игроков на геополитической арене договариваться между собой и манипулировать ситуацией. Предметом торга вполне мог бы стать вопрос: непризнание Южной Осетии и Абхазии Россией, «втягивание» их в рамки федеративных, в лучшем случае конфедеративных отношений с Грузией в ответ на неприятие Грузии в НАТО. И действительно, создавалось впечатление, что нерешенность вопроса Южной Осетии на рассматриваемом этапе соответствовала интересам противостоящих геополитических сил, поскольку ни одна из них не была способна или не желала выразить свою позицию более определенно, так как подобными шагами рисковала вызвать гнев противной стороны. Однако ситуация в корне изменилась в ночь с 7 на 8 августа 2008 г., когда подготовленная при помощи американских инструкторов грузинская армия вторглась в Южную Осетию. Россия вынуждена была предпринять решительные военно-политические шаги по обузданию агрессора, защите государственности Южной Осетии и обеспечению безопасности ее граждан, подавляющее большинство которых являлись также и гражданами Российской Федерации. Вместе с тем Москва не препятствовала открытию второго фронта против Грузии, в результате которого уже 12 августа контроль абхазских властей над верхней частью Кодорского ущелья был восстановлен. Обозначенные военно-политические шаги Россией были предприняты без оглядки на предсказуемую негативную реакцию со стороны США и других стран Запада. Ведь подстрекание американцами Грузии на военные действия против Южной Осетии преследовало более глубокие цели, нежели пресловутое «восстановление территориальной целостности». США хотели посмотреть и проверить, как далеко готова пойти Россия по отстаиванию своих интересов и готова ли вообще на подобные шаги. Своевременные и адекватные действия Российской Федерации расставили все по своим местам. После «операции по принуждению Грузии к миру» Россия заявила о себе как об активном участнике геополитических процессов, который готов любыми способами защитить свои национальные интересы. В дан-

ном контексте Южная Осетия стала не инициатором, а индикатором этих геополитических трансформаций. При этом президент Грузии Саакашвили оказался в весьма неприглядной роли человека, которого выставили виноватым его же собственные друзья. Например, член Еврокомиссии Йорг Химмелрайх выказал уверенность в том, что экс-президент США Джордж Буш является главным виновником произошедшей на Кавказе войны. Ведь гарантировав безопасность Грузии, он тем самым развязал руки Михаилу Саакашвили, по сути, дав негласное добро на августовскую авантюру, но не предложив ему реального механизма защиты на деле [14]. А уже после начала военных действий Буш заявил, что США не намерены вмешиваться в конфликт двух соседей. Естественно, Буш поддержал мирную инициативу президента Франции Николя Саркози, одобрив план примирения Грузии и России. Одобрил, не вмешиваясь, тем самым вновь уйдя от ответственности. Джордж Буш прекрасно понимал, что только США реально могут уладить конфликт [14]. Однако США не очень-то торопились активно защищать своих союзников, так как цели и задачи, преследуемые американцами и грузинами в августовской провокации, как оказалось, мягко говоря, не совпадали. США, в отличие от Грузии, извлекли определенные дивиденды из сложившейся ситуации.

Немаловажной причиной, побудившей Россию к признанию независимости Южной Осетии и Абхазии, стало заявление Грузии о прекращении членства в СНГ, что лишало юридической базы нахождение миротворцев в Абхазии. Затем последовало заявление Саакашвили о выходе Грузии в одностороннем порядке из Дагомысского соглашения 1992 г., на основании которого российские миротворцы находились на территории Южной Осетии, сопровождающееся настоячивыми требованиями о выводе миротворцев. Оставить воинские подразделения России в Южной Осетии и Абхазии, как того требовала сложившаяся на тот момент обстановка, можно было, лишь признав независимость двух республик и вслед за тем подписав договор о сотрудничестве с соответствующими военными статьями, на основании которых сохранилось бы российское военное присутствие в регионе [10]. Москва однозначно объявила рассматриваемый регион зоной своей ответственности и даже нашла себе первых союзников в лице Никарагуа и Венесуэлы, безоговорочно поддержавших ее в вопросе признания независимости Южной Осетии и Абхазии и заявивших о начале процедуры установления дипломатических отношений с этими странами. Успешность социально-экономического развития Южной Осетии, а также успешность процесса политического признания Юж-

ной Осетии фактически означают признание правоты стратегии геополитического мышления России. Безусловно, озвученные события в Южной Осетии и Абхазии являются неким водоразделом, который явно выделил и обозначил национальные интересы России на Кавказе, а также пути их отстаивания.

Несмотря на восстановление контроля властей Южной Осетии над всей территорией республики, война еще не закончена. Она продолжается как де-факто, так и де-юре. Скорее всего, следует ожидать усиления террористической войны против Южной Осетии и расположенных на ее территории российских войск. Противостоянию между Южной Осетией и Грузией может положить конец только мирный договор, в котором были бы безоговорочно признаны итоги войны августа 2008 г. Последние события в регионе также способствовали тому, что международное сообщество вынуждено было приступить к дискуссиям по поводу политического статуса Южной Осетии и Абхазии. Исходя из контекста сложившейся ситуации, особое значение приобрело заявление Президента России Д. Медведева о том, что Москва поддержит и будет гарантировать любой государственный статус Южной Осетии и Абхазии, который будет соответствовать воле народов этих республик. Народ Южной

Осетии отстаивал свое право на свободу за все годы независимости, и результаты победы в августовской войне подтвердили это право. Волеизъявление народа закреплено в Конституции Республики Южная Осетия. 25 августа 2008 г. Совет Федерации и Государственная Дума России обратились к Президенту Российской Федерации с просьбой признать государственную независимость Абхазии и Южной Осетии. На второй день, 26 августа, Президент Д. Медведев, «руководствуясь положениями Устава ООН, декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ 1975 г., другими основополагающими международными документами», подписал Указ о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и Абхазии. Вслед за Россией подобные Указы подписали Президенты Никарагуа и Венесуэлы Даниель Ортега и Уго Чавес.

26 августа – день признания независимости Республики Южная Осетия. Этот день, вместе с днем независимости, днем Конституции и другими государственными праздниками, является вехой, свидетельствующей об истории становления и развития государственности Южной Осетии.

Литература

1. **Гобозов. И.А.** Философия политики. – Москва, 1998. С.9.
2. **День.** № 12 от 22-28 марта 1992 года. Генрих Малюшкин. «Так это начиналось».
3. **Бакатин В.** «Я сделал ставку на Горбачева» // Независимая Газета. 1991 г., апрель.
4. **Обращение** Чрезвычайного съезда горских народов Кавказа к парламенту и правительству Российской Федерации «О политическом статусе Республики Южная Осетия» // Кавказский Дом. 1992 г. 30 октября.
5. **Н.Г.** 1993. 29 сентября. // С. Лакоба. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? – Саппоро. 2001. С. 79
6. **Те** суровые дни. Хроника... – Сухум, 2004. С. 391.
7. **Лакоба С.** Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? – Саппоро. 2001. С. 80
8. **Митяев. В.Г.** Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. – М., 2002. С. 60.
9. **Авидзба А.Ф.** Отечественная война Абхазии (1992-1993 гг.) по материалам периодической печати. – Сухум, 2009 г. С. 207.
10. **Известия** № 201 от 29.10.2009. «Пик Примакова».
11. **Федоров А.** «Войну начал Тбилиси» // Наше сотрудничество. 2009 г. 13 октября.
12. **Конституция** Республики Грузия. – Тб., 1995..
13. **Пять лет** Республике Южная Осетия. Официальные материалы. – Цхинвал, 1996. С. 87.
14. **Деловой** Вторник. 2009 г. 13 октября.

